

Базылова Б.К.
**Пространственно-
временные отношения
в мемуарно-
автобиографической
литературе**

В статье рассматриваются пространственно-временные отношения в мемуарно-автобиографической литературе XVIII века. В русской мемуарно-автобиографической литературе XVIII века происходят процессы, которые отражают взаимодействие в рамках жанра автобиографических мемуаров двух типов биографического и социально-бытового. Для биографического типа самосознания характерно особое биографическое время. Биографический хронос данного типа утверждает себя, самораскрывается лишь через объективную опору, т.е. время, связанное с судьбой государства, общества, имеющее отношение к развитию страны, судьбоносным решениям. Авторская концепция проявляет установку утверждения частной жизни: биографическое время негосударственной жизни показано через внешний судьбоносный исторический хронос. В автобиографических сочинениях русских писателей XVIII века авантюрно-героический и социально-бытовой подход перестают существовать как объективно независимые от автора. Они осознаются им как два противоположных, исключающих друг друга, и оказываются сущностной основой развивающейся концепции личности и жанрового хронотопа.

Ключевые слова: мемуарная литература, приватно-камерное самосознание, публичная внешность, хронотоп, автобиографический герой, биографический хронос.

Bazylova B.K.
**The existential relations in
memoirs and autobiographical
literature**

In the article the existential relations in memoirs and autobiographical literature of the 18-th century are considered. In the Russian memoirs and autobiographical literature of the 18-th century there are processes which reflect interaction within the genre of autobiographical memoirs of two types – biographic and social. The biographic type of self-consciousness is characterized by special biographic time. Biographic chronos of this type approves itself and reveals only through an objective support, i.e. the time connected with the destiny of the state, society, concerning the development of the country, fatal decisions. The author's concept shows installation of the statement of private life: biographic time of non-state life is shown through external fatal historical chronos. In autobiographical compositions of Russians writers of the 18-th century the adventurous-heroic and social approaches cease to exist as objectively independent of the author. They are perceived as two opposites, excluding each other, and appear as the intrinsic basis of the developing concept of the personality and the genre chronotope.

Key words: memoirs literature, private-chamber consciousness, public appearance, chronotope, autobiographical hero, biographic chronos.

Базылова Б.Қ.
**Мемуарлық-өмірбаяндық
әдебиеттегі уақыт-кеңістік
қатынастар**

Мақалада XVIII ғасыр мемуарлық-өмірбаяндық әдебиеттегі уақыт-кеңістік қатынастар қарастырылады. XVIII ғасыр орыс мемуарлық-өмірбаяндық әдебиетте өмірбаяндық мемуар жанрының аясында өмірбаяндық және әлеуметтік-тұрмыстық сияқты екі түрінің өзара байланысы көрініс тапқан үрдістер орын алған. Өзіндік сананың өмірбаяндық түріне ерекше өмірбаяндық уақыт тән. Аталмыш түрдің өмірбаяндық уақыты өзін-өзі объективті таяныш арқылы нығайтып, ашылады, яғни, мемлекеттің, қоғамның тағдырымен байланысты, елдің дамуына, тағдыршешті шешімге қатысы бар уақыт. Автордың тұжырымдамасы жеке өмірді бекітуді мақсат тұтады: мемлекеттік емес өмірдің өмірбаяндық уақыты сыртқы тағдыршешті тарихи хронос арқылы көрсетілген. XVIII ғасыр орыс жазушыларының өмірбаяндық шығармаларында шытырман оқиғалы-қаһармандық және әлеуметтік-тұрмыстық әдіс автордан бөлек, оған тәуелсіз ретінде өмір сүре алмайды. Олар бір-біріне қарама-қарсы екі қарама-қайшылық ретінде зерделенеді, сөйтіп тұлға тұжырымдамасы мен жанрлы хронотоптың дамып келе жатқан негізі болып шығады.

Түйін сөздер: мемуарлы әдебиет, бейресми-камералы зерде, көпшілік алдындағы жүріс-тұрыс, хронотоп, өмірбаяндық кейіпкер, өмірбаяндық хронос.

**ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В МЕМУАРНО-
АВТОБИОГРАФИЧЕС-
КОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Методологически важными для изучения пространственно-временных отношений в мемуарах XVIII века можно считать следующие принципы: вопрос об истоках и модификациях жанра в предшествующие эпохи; освоение отдельных сторон времени и пространства, доступных на данном периоде исторического развития; объективирующая роль времени в жанре мемуаров.

М.М. Бахтин выделял два основных типа биографического ценностного сознания и оформления жизни: авантюрно-героический и социально-бытовой (сентиментализм, отчасти реализм). В XVIII веке в России первый тип биографического ценностного сознания (авантюрно-героический) был широко распространен в мемуарах, тогда как второй еще только начинает себя реализовывать, это определило одну из главных черт нового зарождающегося жанра – внутреннюю полемичность. Зарождение социально-бытового типа биографического ценностного сознания связано с «разложением публичной жизни человека» и реализуется как в новых жанровых модификациях, так и соответствующим им новой пространственно-временной организации [1, 293].

В античной литературе «новые формы... еще не были выработаны» и в основном сводятся к модификациям «публично-риторических форм». Бахтин выделяет три такие модификации. На наш взгляд, жанр автобиографических мемуаров XVIII века типологически восходит к приватно-камерной (или камерно-риторической) и стоической формам. Характеризуя данные модификации, Бахтин указывает на такие ведущие черты, как раскрытие нового приватно-камерного самосознания человека, что связано с реализацией новых, отличных от публично-риторических ценностных ориентации (добрая слава знакомых, близких; честность, чистота, счастье, удача, довольство, личные заслуги); с другой стороны, в окружающий мир человека входят пейзаж как предмет видения, а также многочисленные мелочи приватной жизни. Для третьего вида модификаций характерно новое отношение к себе самому, – «самосознание одинокого человека» (исключение другой точки зрения на себя; значение Я – для себя) и как следствие резкое увеличение удельного веса событий мелочной жизни, тема личной смерти. Бахтин считает,

что исторические формы античной автобиографии, оказавшие громадное влияние, как на жанровые модификации в европейской литературе, так и в русской мемуаристике XVIII века. Закономерно, что воззрения на исторические события своего времени у разных людей во многом не совпадают. Разницу во взглядах авторов воспоминаний определяют возрастные особенности, жизненный опыт, их общественное положение, мировосприятие. Для одних мемуаристов характерно преобладание эмоционально-экспрессивного видения событий. Другие пытаются анализировать пережитое. Третьи ограничивают свою задачу воспроизведением самого хода событий, основных моментов происходившего. Сопоставление подобных ситуации дает достаточно ясную картину исторической действительности, поскольку мемуарно-автобиографические произведения описывают события на различных уровнях восприятия. Причем задействованными оказываются события, происходившие в разных географических точках страны. В этом заключается объективная ценность мемуаров как исторических памятников своего времени.

Изначальная целевая установка мемуарной литературы XVIII века – создавать воспоминания для узкого, замкнутого круга или для широкой общественной среды на условиях их последующей сохранности.

В русской мемуарно-автобиографической литературе XVIII века происходят процессы, которые отражают взаимодействие в рамках жанра автобиографических мемуаров двух типов биографического ценностного самосознания: с одной стороны – авантюрно-героического с его ориентацией на публичную овнешненность человека и с другой стороны – социально-бытового с его интимно-камерным аспектом. Однако в отличие от античной и средневековой литературы следует говорить о преобразовании двух типов ценностного самосознания в две ведущие жанровые тенденции. М. Бахтин, который ввел термин хронотоп, считал, что и временные и пространственные отношения всегда эмоционально, ценностно окрашены. В работе «Формы времени и хронотопа в романе» Бахтин дает такую классификацию: хронотопы бывают идиллические, мистериальные, карнавальные, хронотопы пути (дороги), порога (кризиса и переломов), провинциального городка с его монотонным бытом.

Остановимся на двух сложившихся жанровых тенденциях. Для биографического типа самосознания характерно особое биографическое время. Биографический хронотоп данного типа

утверждает себя, самораскрывается лишь через объективную опору, т.е. время, связанное с судьбой государства, общества, имеющее отношение к развитию страны, судьбоносным решениям. К данному жанровому типу относятся автобиографические записки С.Н. Глинки. В этом плане интересно сравнить «Записки» С.Н. Глинки и «Записки А.Т. Болотова». «Я родился 1776 года, июля 5-го дня. Смоленской губернии в Духовском или Духовщинском уезде, в селе Сутоках, в 8 верстах от Читова, родины бывшего шляхтича Потемкина, – начинает свое повествование С.Н. Глинка, – который потом под блистательным именем князя Таврического, гремел замыслами ума парящего, и, говоря словами Державина, «был могущ, хотя и не в силах» [2, 17]. Изложение информации здесь начинается традиционно: с момента рождения и в дальнейшем выдерживается принцип последовательно-хронологического повествования, автор биографический принцип рассказа о своей жизни соотносит с жизнью другого человека (князя Потемкина Таврического). Следует обратить внимание на яркое проявление авторской концепции, установку утверждения частной жизни – биографическое время негосударственной жизни показано через внешний судьбоносный исторический хронотоп. Повествование о своей семье, о своем владении развивается параллельно с жизнеописанием князя Потемкина. Примечательны сами переходы от автобиографии к повествованию о жизни другого человека: «От великана обращаюсь к скромному быту моему!» (2, с.323). Этот принцип характерен для «Записок» Глинки в целом: «скромная» личность мемуариста проявляется лишь на фоне великих людей, личность которых имеет важное значение в истории страны (императрица Екатерина, граф Румянцев, фельдмаршал Кутузов, «столповой вельможа» двора Екатерины Л.А. Нарышкин). Аспект восприятия автобиографическим героем окружающего мира отличается особым статусом: предмет видения, обстановки содержит приметы исторические: «Видел я сельский деревенский храм, где в течение девяносто лет курится жертва богу любви и милосердия. Прощумел около него вихрь вражеского нашествия, но в стенах его не коснулся ни святыни, ни утвари церковной...» [2, 318]. Герою важно подчеркнуть неразрушимость церкви от времени текущего, а также от времени судьбоносного, исторического, ускоренного вмешательством судьбоносных людей («вихрь вражеского нашествия» несущего в своей основе функции уничтожения). Пространство, в котором существует

автобиографический герой, тоже несет приметы исторические, отмеченные печатью судьбоносности: так, случайно увидев баню, он вспоминает, что когда-то родился Потемкин, описывая столбовую дорогу на Петербург, он повествует что «по этой дороге проезжал великолепный князь Потемкин то из Белоруссии, то из Смоленска. Бывало, зимою в темно-зеленой бархатной бекеше с золотыми застежками и в огромной шубе, легкой, как пух, мчится снедаемой жаждой власти Потемкин». У князя Таврического не было никакой оседлости. Не строил он замков, не разводил садов и зверинцев: дворец Таврический был даром Екатерины II, а у него своего домовитого приюта не было нигде. Селением его было поморье Эвксинского, заботы его были о древнем царстве, и он это царство принес России в дар бескровный. Чего не успели сделать века от покорения Казани и Астрахани, чего не успел сделать он. Что один совершил этот великан своего времени. Он смирил и усмирил последнее гнездо владычества «монгольского» [2, 324].

В данном отрывке следует отметить особые функции хронотопа дороги: это и временная вневременность событий, связанных с «великанами своего времени» (древнее царство Митридатово, покорение Казани и Астрахани), и пространственная протяженность. Важен и образ «мающегося», «не имеющего домовитого приюта Потемкина». Эти функции ускоренного публично-государственного времени в тексте встречаются неоднократно: «На все времена молнией мелькают и слава побед, и слава писателей» [2, 325]. Автор мемуарных записок наряду с публично-государственным временем считает судьбоносными и время, «освеженное силой мысли», жизнеописание Н.И. Новикова, «далеко опередившего свой век изданием «Ведомостей московских», «Живописца» и искусным влиянием на умы некоторых вельмож, двигавшего вслед за собою общество и причавшего мыслить среди роскошного и сладострастного обаяния» [2, 325]. В «Записках» Глинки повествуется о драматурге Княжнине, Озерове, Сумарокове и других. С ними связано восприятие течения времени как восприятие движения в веках мысли человеческой [2, 374]. Интимно-камерный мир человека, по концепции автора мемуарных «Записок», не связан с категорией будущего времени. Автобиографический герой вспоминает, как были написаны стихи, посвященные ему:

Младого Глинку зрим лица сего в чертах;
Сей юноша, блистающий ученьем,

Умом и просвещеньем,
Поэт, и пламень льет в стихах.
Что ж будет в зрелых он летах?
Я подписал под стихами: ничто» [2, 363].

С чем бы ни было связана подпись ничто: с той мыслью, что со смертью все превращается в прах, ничто, или автобиографический герой отрицает, что его жизнь будет иметь важное значение для общества, государства, здесь важно то, что черты интимно-камерного мира, перечисленные в стихотворении, не имеют координат во временном измерении для автобиографического героя.

В мемуарных записках С.Н. Глинки прослеживается движение, изменения в характере автобиографического героя: «А вот по каким степеням шел я, так сказать, от прежнего самого себя к другому себе» [2, 340].

М.М. Бахтин отмечал, что биографическое специфическую особенность времени в античной литературе: «Это время раскрытия характера, но отнюдь не время становления и роста человека. Сама историческая действительность, в которой совершается раскрытие характера, служит только средою этого раскрытия, дает поводы для проявления характера в поступках и в словах, но лишена определяющего внимания на самый характер, не формирует, не создает его, она лишь актуализирует его» [1, 291]. В русской мемуарной литературе XVIII века время раскрытия и становления характера становится организующим ее моментом. От «прежде самого себя» к «другому себе» – этот процесс важен для разграничения автора и автобиографического героя. Автор относится к герою мемуаров постоянно, как к другому себе, поэтому значение мемуаров «я – для – себя» находится в сфере изменения, развития. В этом плане характер этого движения определяется превращением «я – для – себя» в «другого себя», т.е. осознанием «другого себя» снова как «я – для – себя».

Такое стремительное изменение характера для автора мемуаров связано с ощущением смены эпох, резким контрастом времени, особенно ощущаемом на стыке столетий: «Быстрыми сновидениями слетали с лица земли и с поприща политического мелкие события и затем мелкого восемнадцатого столетия и быстрыми шагами, как привидение невидимое, выступал исполинский разгром Франции» [2, 340].

Отправной точкой развития характера автобиографического героя является разрушение идиллического хронотопа, связанного с интим-

но-камерным миром: «На многих челах померкла свежесть корон, для многих пышностей ударял час роковой, час могильный! Между тем, хотя я жил и не в Аркадии, но беспечность аркадская убаюкивала отроческие мои лета, и в то же время и для меня готовился перелом и переворотом в тесном объеме умственной моей области» [2, 340]. Для приведенной цитаты характерно ощущение «себя прежнего» как «себя другого». «Я – для – себя», самосознание героя здесь выступает прежде всего в знании его о готовящемся переломе и осознании этого перелома как необходимого по отношению к дальнейшей жизни и в соединении идиллического хронотопа с историческим (время исторических катаклизмов). Эта одновременность зафиксирована и подчеркнута самосознанием героя, но эта одновременность существования исторического и идиллического хронотопа зафиксирована сознанием «себя другого» и отражает, прежде всего, его саморазвитие, тогда как сознание «я прежнего» для этого восприятия закрыто. Рассмотрены еще примеры соединения идиллического хронотопа с хронотопом историческим, отражающим публичную овнешненность человека: «Петр Петрович Фромандье, инспектор наш, позвал в комнаты свои меня и брата моего Николая.

- Вот приезжий из Смоленска, – сказал Фромандье, – он хорошо знаком с батюшкой и матушкой вашей.

Мы спросили, здоровы ли наши родители.

- Здоровы, – отвечал он, – и прислали вам письмо и гостинец.

Мы взяли письмо и стали читать. Тут ручьи слез брызнули из глаз отца нашего, и мы, бросаясь в объятие нашего родителя, плакали и кричали: «Батюшка? Батюшка!

Припомню здесь и то, что было тогда в родном моем городе Смоленске, 1797 года, Екатерина вторично посетила его. Князь Таврический был сделан в то время главным начальником войск и флота. Граф Румянцев возвратился тогда к войску...» [2, 350].

Одной из главных черт идиллического хронотопа является прикрепленность человека к родному уголку, к семье, близким, Поэтому так и переживают герои восточку из родных мест от родителей. Важно отметить то, что не указываются никакие временные ориентиры, перечисляется лишь последовательность действий (позвал, сказал, спросили, взяли, стали читать, брызнули, плакали, кричали) в эмоциональной, чувственной градации. Однако это восприятие уже оценивается как сознание «себя другого»,

и соотношения с временем историческим. Указывается конкретный год (1797), автор припоминает и происходящие дела государственной важности – посещение Екатериной Смоленска. Таким образом, можно отметить о движении времени раскрытия характера: от вневременной доминанты идиллического хронотопа до конкретного летоисчисления времени событийно-исторического, характеризующей «публичную овнешненность человека».

Такое движение хронотопа определяет жанровую доминанту построения «Записок» С.Н. Глинки. Например, частное лицо Де Рибас подвергается публичной овнешненности – вписывается в систему государственных, исторических, судьбоносных отношений, причем это происходит путем троекратного усиления, за счет сращения с именами Суворова, Кутузова, Потемкина, после чего следует рассказ о «причудах князя Таврического», а Де Рибас временно остается в стороне. Публичная овнешненность всегда важна и принадлежит протекающему настоящему. Разрушение идиллического хронотопа автобиографического героя не означает, что он перестает воспринимать пейзаж родных мест или теряет привязанность к родному уголку. Происходит соотнесение малой родины с другими категориями.

Для идиллического хронотопа было необходимо соотнести с такими понятиями, как «тихое» счастье, удовольствие, блаженство, ощущение привязанности лишь к данному месту: «Родина моя теперь в постороннем владении (но я видел следы праотцев моих; я видел липы, вяза и дубы, насажденные рукою моего прадеда... Я видел под сенью сих дерев, осенявших некогда юными и роскошными ветвями своими кружки пировавших друзей и родных, а теперь грустно, уныло отживающих в одиночестве безмолвном. Я сидел под ними, вслушивался в минувшее и вспоминал...» [2, 317]. Идиллический хронотоп, постоянно соотносящийся с настоящим, текущим, переходящий в него из прошлого, в воспоминаниях автобиографического героя связан с прошедшим временем, исчезает из реального мира, оставаясь лишь в воспоминаниях. Для мемуаров с ведущей героико-авантюрной жанровой тенденцией пейзаж не отражает лишь интимно-камерный мир героя, он всегда открыт для мира исторического, является неотъемлемой частью публичной ответственности.

В мемуарных записках С.Н. Глинки ощущается присутствие социально-бытовой жанровой тенденции, связанной с интимно-камерным

миром автобиографического героя. Эта жанровая тенденция находится в прямой зависимости от героико-авантюрной. Однако появляется ряд тем, определяющих специфику ее жанрового содержания. Прежде всего это тема смерти. В том плане, как она встречается в мемуарных записках, она не могла быть осмыслена и заключена в рамки публично-государственной овнешненности, так как эта смерть частного человека, не соотносящегося с историческим временем, во-вторых, это смерть родного брата, что объективно замыкает ее в рамки интимно-камерного переживания. Так или иначе самосознание автобиографического героя воспринимает эту утрату в узких рамках «я – для – себя» и своей семьи: «Милый брат и сопитомец! Не стану оплакивать ранней твоей кончины, ты много не испытал, не боролся ни с собственным своим сердцем, ни с превратностями судьбы, не испытал ты и горестного гонения страстей человеческих. Брат мой был моложе меня годом и питал в душе чувствительность добродетели. никогда не огорчал он меня, но я в стенах корпуса огорчал его иногда

упреками за пренебрежение французского языка» [2, 391].

Таким образом, автобиографический герой лишь жалеет об умершем брате, об утрате, медитируя на чувстве скорби, печали. В заслугу же умершему поставлены и осмыслены прежде всего функции публично-государственного человека (чтение истории, верный взгляд на общество). Здесь можно говорить об особой героико-авантюрной жанровой тенденции, определяющей специфику хронотопа в «Записках» С.Н. Глинки.

В биографических и автобиографических сочинениях русских писателей XVIII века авантюрно-героический и социально-бытовой подход перестают существовать как объективно независимые от автора, они осознаются им как два противоположных, исключая друг друга, и оказываются сущностной основой развивающейся концепции личности и жанрового хронотопа. В русской мемуарной прозе эти процессы происходят с XVIII века, т.е. намного позднее, чем в европейской литературе.

Литература

- 1 Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст-1974. Литературно-теоретические исследования. – М., 1975.
- 2 Глинка С.Н. Записки // Русские мемуары. Избранные границы. XVIII век. – М., 1988.
- 3 Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. – М., 1979.

References

- 1 Bahtin M.M. K metodologii literaturovedeniya // Kontekst-1974. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. – M., 1975.
- 2 Glinka S.N. Zapiski // Russkie memuary. Izbrannye granitsy. XVIII vek. – M., 1988.
- 3 Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. – M., 1979.